

75 156
112

ЗВЪРОШКИНЫ РАДОСТИ И НЕВЗГОДЫ

2/156
112

ЗВѢРЮШКИНЫ РАДОСТИ И НЕВЗГОДЫ

РАЗСКАЗЫ-СКАЗКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ
==== ДЛЯ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ ====

В. ЦѢХОВСКОЙ

Съ 6 раскрашенными картинами Л. Мальденъ

МОСКОВСКИЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XIV-40038
И РУМЯНЦОВСКИЙ МУЗЕЙ

ИЗДАНИЕ

поставщиковъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

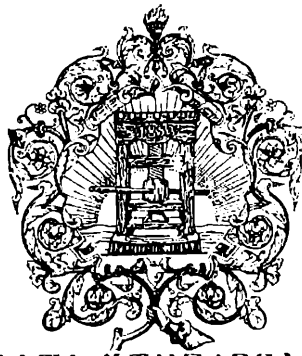
ПЕТРОГРАДЪ

МОСКВА

Гостин. Дв., 18 и Невский, 13

Кузн. М., 12 и Тверская, 22

1914

ПЕЧАТЬ І ТИПОГРАФІИ
Г-на М. Д. БОЛІВЪ
ПЕТРОГРАДЪ · ВАС. ОСТР. 16 ЛИНІЯ СОВ. ДОЖЪ
1914

ЧЕРЕПАХА И ЗАЯЦЪ.

Быстроногіи Заяцъ пришелъ на опушку лѣса на берегу рѣки и сталъ упражняться въ бѣгъ по лѣсной дорогѣ. Бѣгалъ онъ легко и быстро, не уставая и не останавливаясь, и самъ былъ доволенъ своею быстротою.

Вдругъ, откуда ни возьмись, стоитъ у дороги неповоротливая Черепаха въ оранжевомъ плащѣ, прикрывающемъ ся роговой футляръ. Высунула Черепаха изъ футляра свою голову, подняла вверхъ переднія лапы, уперлась хвостомъ о землю и говоритъ преважно:

— Охъ, Зайчишка, Зайчишка! Смотрю да смотрю я тутъ на тебя. Ничего, бѣгаешь недурно. А все же до меня, до моего бѣга тебѣ далеко.

Заяцъ даже пріостановился, возмущенный ея хвастовствомъ и дерзостью.

— Эй, Черепаха Черепаховна!—проговорилъ онъ.—Ты бы вращалась и хвасталась, да знала мѣру. А то просто слушать противно. Вянутъ мои длинныя ушки, слушаючи. За тебя стыдно становится.

— Понапрасну стыдишься, Зайчишка!—отвѣчаетъ ему черепаха наставительно.—И зачѣмъ вянутъ зря твои длинныя ушки? Я не хвастаюсь, а говорю правду. Недурно бѣгаешь ты, а я—куда тебя лучше.

Заяцъ засмѣялся.

— Не вѣришь?—спросила Черепаха.—Ну, давай испытаемъ, кто изъ насъ быстрее. Хочешь, давай побѣжимъ вокругъ лѣса?

— Да какъ же намъ бѣжать, коли у насъ ноги разныя?—возразилъ заяцъ.—Тебѣ за мной не угнаться, Черепаха Черепановна.

— А вотъ увидимъ!—загадочно отвѣтила Черепаха.—Ну, вотъ что. Эта дорога огибаетъ кругомъ лѣсокъ нашъ. Побѣжимъ по ней--вонъ отъ того придорожнаго камня, и кто раньше прибѣжитъ къ камню обратно, тотъ и побѣдитель. Идетъ?

— Ладно,—соглашается заяцъ съ усмѣшкою.

Черепаха засуетилась, забеспокоилась съ серьезнымъ видомъ.

— Идемъ къ камню, Зайчишка. Да смотри, честно становись со мною въ рядъ, не забѣгай впередъ. Не бѣги раньше, чѣмъ я разъ, два, три просчитаю.

Заяцъ только посмѣивается надъ ея рѣчами.

Стали у камня. Проверили, на одной ли линіи заячьи и черепашины ноги.

— Начинаемъ!—кричитъ Черепаха и считаетъ торжественно:—Разъ! Два! Три!

Заяцъ бросился бѣжать со всѣхъ ногъ. Въ одинъ мигъ его и не видно стало.

А Черепаха прилегла себѣ у камня, не двинувшись ни на шагъ съ мѣста! Лежитъ и поджидаетъ, пока-то обогнетъ кругомъ весь лѣсокъ быстроногій заяцъ.

Ждала она, ждала и, наконецъ,—слышитъ легкіе шаги бѣгущаго во всю прыть Зайчишки.

Подбѣгаетъ Заяцъ къ камню съ противоположнаго конца дороги. Бѣжалъ такъ быстро, что даже запыхался.

А Черепаха сидитъ у камня въ выжидательной позѣ и говоритъ подбѣгающему зайцу:

— Ну, и долго же ты бѣжалъ, Зайчишка! Я давнымъ, давно тебя жду. Надоѣло даже.

Подивился недогадливый Заяцъ, откуда у Черепахи такая прыть? Но дѣлать нечего, призналъ себя побѣжденнымъ.

МЫШКИ - ЛАКОМКИ.

Двѣ полевья мышки давно мечтали попользоваться жизнью по-человѣчески. Ничто такъ не привлекало ихъ, какъ жизнь людей съ ея лакомствами и удобствами. А наблюдали мышки эту жизнь достаточно, часто путешествуя вокругъ да около помѣщичьяго дома.

Мало-по-малу стали мышки усваивать человѣческіе привычки и обычаи.

Завели мужскіе костюмы по образцу помѣщичьихъ, начали носить пенснэ, бѣлые и полосатые жилеты, модные смокинги.

Старшая изъ мышей разжилась даже на ботинки изъ желтой кожи на пуговицахъ. Младшая же еще ходила босикомъ—за немѣнѣемъ обуви.

Какъ-то утромъ, передъ помѣщичьимъ завтракомъ, мышки пробралсь черезъ открытую балконную дверь въ столовую комнату. Столъ еще не былъ накрытъ къ завтраку, но на немъ уже стояло принесенное съ ледника блюдо съ аппетитной розово-красной ветчиной.

И бутылку краснаго вина достала передъ тѣмъ изъ буфета и поставила на столъ рядомъ съ двумя рюмками помѣщичья горничная.

Мышкамъ только того и надо было.

Мигъ, и онѣ очутились на столѣ. А очутившись тамъ, приня-

лись хозяйничать п -своему. Одна начала разливать по рюмкамъ красное вино. Другая, вооружившись ножомъ и вилкой взялась на-рѣзать сочной ветчины, готовясь къ завтраку.

Тутъ онѣ обѣ совсѣмъ вообразили себя людьми.

Пѣгашка говоритъ, подражая помѣщику, хозяину этого дома:

— Вина у меня старья. И только хорошей марки. Хорошее вино тотчасъ можно распознать по его аромату.

А Сѣренькая не менѣе искусно изображаетъ старшаго хозяйскаго сына и замѣчаетъ, трудясь надъ окорокомъ:

— Только благовоспитанные люди умѣютъ рѣзать ветчину правильно и красиво. Не хвалясь, могу сказать, что я научился этому артистически!

Разыгрывая людскія роли, мышки предвкушали всю прелесть удовольствія, когда онѣ будутъ лакомиться малосоленной ветчинкой. Но не успѣла Сѣренькая отхватить первый кусокъ ветчины, какъ горничная со щеткой въ рукѣ вдругъ открыла дверь столовой. Увидѣвъ мышекъ, она громко крикнула на нихъ:

— Ахъ вы... Негодныя! Вонъ отсюда! Вонъ!

Сѣренькая и Пѣгашка опрометью бросились со стола къ балконной двери. Отъ ихъ стремительнаго бѣгства полетѣли на полъ ножъ и вилка, зашаталась винная бутылка, опрокинулась одна изъ рюмокъ, пролилось красное вино и потекло внизъ, пачкая бѣлую скатерть. Горничная продолжала браниться, а мышекъ и слѣдъ простылъ. Сѣренькая и Пѣгашка были уже на балконѣ и спрятались въ густой заросли дикаго винограда, который вился по сторонамъ балкона.

— Эхъ! Эхъ!—вздыхая говорила Пѣгашка, жалуясь на судьбу.—Разъ въ жизни намъ повезло. Добились до человѣческаго положенія, стали почти людьми. Но не удалось даже позавтракать по-людски. Ну, ужъ и судьба наша!

— Скажи спасибо судьбѣ, что хоть успѣли убраться благополучно, — напоминала Пыгашкѣ опытная Сзренъкая. — Вѣдь у горничной въ рукахъ была щетка. А щеткою она могла прикончить и уложить насъ обѣихъ на мѣстѣ.

СТРЕКОЗА И МУРАВЬИХА.

Въ густомъ лѣсу по сосѣдству съ муравьинымъ домикомъ по селилась легкокрылая зеленая Стрекоза.

Жила она весело, по цѣлымъ днямъ порхала и пѣла, и все хотѣла подружиться съ трудолюбивой сосѣдкой Муравьихой. Но когда бы ни понавѣдалась Стрекоза въ муравьиный домикъ, она не ставала тамъ хозяйевъ. И Муравей и Муравьиха постоянно бывали на работѣ. Рыскали по лѣсу, дѣлая разные запасы къ далекой еще, но неизбѣжной зимѣ. И все тащили въ свой домикъ, для себя и для своихъ будущихъ дѣтенышей. Надоѣло Стрекозѣ такое скучное сосѣдство. Надоѣло ей сидѣть одной и пѣть свои звонкія пѣсни, никого этимъ не развлекаая, не получая похвалъ за пѣніе.

Собралась Стрекоза въ путь—въ погоню за развлеченіями. Взяла свою гитару, приодѣлась и идетъ въ невѣдомую даль. А навстрѣчу ей—Муравьиха. Тащитъ изо всѣхъ силъ въ домъ свой какой-то необычайный свертокъ.

— Прощай, сосѣдка. Можетъ, не увидимся больше,—говоритъ Муравьихѣ Стрекоза.

— А куда же это ты собралась, кумушка?—спрашиваетъ Муравьиха.

— Да куда! Скучно тутъ возлѣ васъ. Пойду искать по лѣсу, гдѣ повеселѣе. Хочу поблестать, покрасоваться... Поиграть, попѣть,

поразвлечься, пока не прошла молодость. А то такъ и завяну здѣсь безъ всякаго удовольствія.

— Смотри, сосѣдка,—предостерегла Стрекозу Муравьиха.—Лѣто пройдетъ быстро. Не успѣешь и оглянуться. Если не поработаешь лѣтомъ, что будешь зимой дѣлать?

— Ну, тамъ какъ-нибудь!—безпечно отвѣтила Стрекоза.—Да и что загадывать о зимѣ заранѣе? Можетъ, еще и не доживемъ до зимы. Съ какой стати губить мнѣ свою молодость и голосъ ради далекой скучной зимы?

— Какъ знаешь, сосѣдка,—сказала Муравьиха,—хочешь пѣть, пой на здоровье.

Съ этими словами Муравьиха потащила дальше свою ношу.

А Стрекоза крикнула ей вдогонку:

— Прощай, скучная Муравьиха!

И заиграла на гитарѣ веселую пѣсенку. Цѣлое лѣто пропѣла и прокружилась надъ цвѣтами Стрекоза. Въ лѣсу многіе похваляли ея пѣніе.

Но вотъ стали короче лѣтніе дни, повысохли травы, пожелтѣли древесные листья, зашумѣла надъ лѣсомъ осенняя непогодушка. Все лѣсное селеніе попряталось въ свои домики и норки, укрываясь отъ дождя, отъ холодной сырости. Одной Стрекозѣ некуда укрыться. Нѣтъ у нея ни дома, ни угла своего, не во что ей одѣться потеплѣе, нечѣмъ питаться... Измокла Стрекоза подъ дождемъ, ходитъ отрепанная, пообносилась. Отъ сырости разбухла гитара ея, начали покрываться ржавчиной звонкія струны. Не поетъ уже Стрекоза, никого не развлекаетъ веселымъ пѣніемъ. Не до пѣнія ей бѣднягѣ. Дрожитъ вся она въ изношенномъ платишкѣ, думаетъ только о томъ, гдѣ бы поѣсть да погрѣться.

И вспомнила тутъ Стрекоза про благоразумныя слова Муравьихи. Вспомнила и подумала:

— Пойду-ка я къ Муравьихѣ. Много у нея запаса всякаго, и

домикъ муравьиный теплый, удобный. Попрошу приютить меня на зиму. Только до теплыхъ весеннихъ дней. А тамъ почищу гитару свою, и наново запою, заиграю.

Идетъ Стрекоза къ муравьиному домику. И опять навстрѣчу ей Муравьяха. Несетъ полную корзинку дровъ за плечами, и въ фартукѣ держитъ небольшую вязанку дровъ. Насобираала въ лѣсу бурелома себѣ на топливо.

— Здравствуй, милая сосѣдушка!—обрадовалась Стрекоза Муравьяхѣ.

— А, это ты, кума! Здравствуй. Какъ живешь?

— Плохо, голубушка, плохо. Иззябла вся, изголодалась. Пришла вотъ къ тебѣ, не примешь ли меня на зиму? Домикъ у тебя просторный, теплый. Припасено всего вдосталь... Много ли мѣста я займу? Много ли на меня надо? Не откажи, кумушка. Авось хватить у васъ и на мою долю.

— А какъ же ты сама не припасла ничего за лѣто?—удивилась Муравьяха.—Что же ты дѣлала въ лѣсу все это время?

— Я! Ахъ, да знаешь, у меня такъ весело пролетѣло лѣто! Пѣсни, игры безумолку... Постоянно большое общество. Меня за пѣніе одобряли всѣ очень. Большой, большой былъ у меня успѣхъ. Я, можно сказать, одна изъ лучшихъ пѣвицъ среди стрекозъ. И все лѣто пропѣла, не зная устали.

— Ахъ, ты только пѣла!—жестоко сказала трудолюбивая Муравьяха.—Ну такъ и пеняй теперь на себя. Если лѣто пропѣла, зиму пропляши на морозѣ... А у меня въ домикѣ для тебя мѣста нѣтъ. И своихъ дѣтей у насъ достаточно, есть о комъ заботиться. Съ какой стати возьмемъ на зиму тебя—дармоѣдку!

ЖУРАВЛЬ-ПРОСТОТА.

Журавль съ Волкомъ такъ подружились, что оба, казалось, жить другъ безъ друга не могутъ. Куда Волкъ, туда и Журавль. Гдѣ увидятъ Журавля, тамъ поблизости и Волка ищутъ. Вмѣстѣ и на прогулкахъ они, и за ѣдою. То гуляютъ, обнявшись, надъ рѣчкой, то уединятся въ чащу душистаго лѣса, то заѣдутъ подкрѣпиться въ лѣсной ресторанъ, гдѣ служитъ лакеемъ расторопный лягушонокъ, который бѣгаетъ на заднихъ ножкахъ такъ быстро, что только развѣваются на ходу фалды его лакейскаго фрака.

Кто ни встрѣтитъ Журавля изъ добрыхъ друзей его, всякъ говоритъ ему, дивясь его простотѣ:

— Эй, Журавль, Журавль! И что ты затѣялъ? Какъ это дружишь съ Волкомъ и всюду съ нимъ бродишь? Смотри, снесетъ онъ тебѣ когда-нибудь голову. Такова ужъ ихъ волчья порода. Коварный вѣдь онъ и хищный, какъ всѣ волки, хоть и прикидывается тихоней.

А Журавль говоритъ въ отвѣтъ:

— Вся порода волчья коварна, знаю я это. Но мой Волчокъ—исключеніе. Онъ, хоть и волкъ, но безобиднѣй ягненка. Такой ужъ уродился. При чемъ и я имѣлъ на него большое вліяніе. Можно сказать, перевоспиталъ моего Волчка по-журавлиному. Онъ теперь больше на журавля, чѣмъ на волка походитъ.

— Эхъ, Журавль... Журавль-простота, —возражаютъ ему друзья.— Гдѣ-жъ это видано, чтобъ волкъ журавлемъ сдѣлался? И развѣ можно

перевоспитать Волка? До поры до времени онъ тебѣ пріятель, пока не надоѣло ему. И пока не захочется птичьяго мяса. А захочется, то не задумается перегрызть тебѣ горло, хоть ты и другъ-пріятель ему.

Долго уговаривали Журавля друзья его не дружить съ Волкомъ, но уходили ни съ чѣмъ. А у Журавля съ Волкомъ дружба чѣмъ дальше, тѣмъ крѣпче.

Какъ-то въ весенній ясный день гуляли Журавль съ Волкомъ по полямъ и по лѣсу. Потомъ проголодались и зашли въ ресторанъ позавтракать. За напитки платить Волкъ взялся, а закуску Журавль на свой счетъ принялъ.

— Миѣ страшно пить хочется,—заявилъ, садясь за столъ Журавль.—Раньше чѣмъ ѣсть, выпилъ бы я чего-нибудь.

Волкъ схватилъ со стола графинъ съ водою, налилъ полный стаканъ и угощаетъ Журавля:

— Пей, милый другъ! Пей побольше. Пить полезно при жаждѣ. А вода здѣсь прекрасная ключевая, чистая, не изъ болота какого-нибудь.

Журавлю винца хотѣлось бы выпить. Да видитъ онъ, что Волкъ не догадался, и пьетъ воду, похваливая, лишь бы не обидѣть друга. Говоритъ Журавль:

— И впрямь, вода хорошая. Выпилъ бы и ты, Волчокъ, тоже?

— Не хочу сейчасъ. Миѣ не пить, а ѣсть хочется.

— Такъ закажи поскорѣй Лягушонку чего хочешь. Да не стѣсняйся. Выбирай что подороже. Я плачу за все съ удовольствіемъ.

Волкъ подозвалъ кивкомъ Лягушонка и сталъ заказывать завтракъ по своему вкусу.

— Вотъ что, услуживающій Лягушонокъ, принеси-ка ты намъ два хорошихъ бифштекса. Да только непрожареныхъ, а полусырыхъ... Покровянистѣй, посочнѣе, изъ самаго лучшаго мяса. Не правда ли, милый Журавль? Нѣтъ ничего вкуснѣе кровавой говядинки?

Журавль, хотя мяса и не любилъ, но согласился съ другомъ:

— Хорошо. Что ты закажешь, то и я ъсть буду.

Заказали бифштексы.

Побесѣдовали немного, сидя за столомъ, и вскорѣ Лягушонокъ принесъ на блестящемъ металлическомъ блюдѣ два бифштекса съ кровью.

Волкъ жадно набросился на любимую говядину, а Журавль долбануль разъ, другой мясную порцію своимъ длиннымъ носомъ и отодвинуль тарелку въ сторону, говоря:

— Что-то мнѣ ъсть сегодня не хочется.

— Ну, попей еще водицы, — предложилъ другу Волкъ. — А я съѣмъ и твою порцію, чтобы не пропали даромъ твои денежки.

Изъ ресторана Волкъ вышелъ подкрѣпившись, а Журавль-простота — лишь переполненный водою.

Прошли они поле, свернули къ рѣчкѣ по заросшей кустами дорожкѣ и сѣли на бережку, въ тѣни, отдохнуть отъ жары полдневной.

— Охъ, раздражилъ я свой аппетитъ бифштексами! — говоритъ вдругъ Волкъ, потягиваясь. — Опять мясца кроваваго захотѣлося.

— Такъ вернемся опять въ ресторанъ? — предложилъ Журавль добродушно.

— Нѣтъ! Что ужъ! — не согласился Волкъ. — Не стоитъ по жарѣ такую даль трепаться. Лучше я здѣсь мясца раздобуду.

— Но здѣсь не достать говядины, — замѣтилъ Журавль.

Волкъ сказалъ:

— Можно и птичьимъ мясцомъ полакомиться.

— И птичьяго негдѣ взять, — отвѣчаетъ Журавль. — Не найдешь нигдѣ поблизости.

— Какъ негдѣ взять? А ты? Развѣ ты не птичье мясо? — произнесъ Волкъ.

И раньше, чѣмъ опомнился Журавль-простота, — Волкъ перегрызъ ему горло.

МУДРАЯ ВОРОНА.

Ворона, — внучка той вѣщуньи знаменитой, о которой въ баснѣ говорилъ самъ дѣдушка Крыловъ, — недавно какъ-то, по примѣру бабушки своей, раздобыла большой кусище сыру. Обрадовалась лакомой находкѣ и, отдѣлившись отъ вороньей стаи, присѣла на сухой сучокъ въ лѣсу, чтобы позавтракать сыркомъ на волѣ и спокойно.

Откуда ни возмись, и передъ ней, какъ передъ бабушкой ея, стоитъ подъ деревомъ лукавая Лисица на тонкихъ ножкахъ, важно распутивъ пушистый лисій хвостъ.

«Должно быть, тоже внучка или правнучка лисицы той, что бабушку мою плѣнила лестью», — подумала Ворона молодая. И порѣшила: «Начнетъ и эта предо мною льстиво восторгаться, и голосъ мой, и красоту хвалить въ надеждѣ поживиться сыромъ. Но рѣшила твердо не сдаваться на льстивыя хвалы и лживые восторги. Теперь уже не бабушкино время. Вороній родъ куда мудрѣе сталъ. И льстивой похвалой вскружить воронью голову лисицѣ не удастся». Ворона крѣпко въ клювъ держитъ сыръ и на Лису глядитъ насмѣшливо, какъ будто говоря:

«А сыръ не выпадетъ! Что хочешь, говори, не каркну я предъ похвалой твоею».

Лисица между тѣмъ стоитъ подь деревомъ и молчаливо смотритъ вверхъ, держа подмышкой палку и руку опустивъ въ карманъ.

А послѣ начинаетъ говорить:

— Какъ ты умна, премудрая Ворона! Я, знаешь, очень сыръ люблю. И у тебя сырокъ завидя, признаться, думала плѣнить тебя, какъ дѣдъ плѣнилъ мой бабушку твою. И заготовила я для тебя похвалъ миллионы. Но подошла и вотъ,—языкъ прилигъ къ гортани. Увы! Не мнѣ провестъ тебя, премудрая Ворона.

— Ну, да-а!—не раскрывая рта, съ Лисою соглашается ворона.

— Вотъ то-то и бѣда!—Лисица восклицаетъ,—что мнѣ тебя не обмануть никакъ. И сыра твоего мнѣ не достать вовѣки.

— Ууу-гг-гу!—опять съ закрытымъ ртомъ ворона произноситъ.

Лисица—все свое:

— На сыръ ужъ у меня потеряна послѣдняя надежда. Куда же мнѣ съ тобою въ разумъ премудромъ состязаться? Вѣдь ты умнѣй меня. Умнѣе всѣхъ на свѣтѣ!

— Аа-гаа!—обрадовавшись, крикнула Ворона во все горло, и уронила сыръ.

Лиса его мгновенно подхватила, и раньше, чѣмъ опомнилась Ворона, Лисица съ сыромъ скрылася въ лѣсу. Позавтракала плотно вкуснымъ сыромъ, а послѣ стала размышлять. И говоритъ себѣ:

— Попалася впросакъ премудрая ворона. Вотъ то-то: бабушку свою суди не очень строго. Доколь міръ стоитъ, вороній умъ, и даже самый мудрый, ничто предъ хитростью догадливой лисы.

СТРОГІЙ ВОЛКЪ.

Въ лѣсу, неподалеку отъ ручья паслось овечье стадо подъ надзоромъ пастуха.

А хищный Волкъ, скрываясь на опушкѣ лѣса за кустами, бродилъ вокругъ да около овечекъ и думалъ про себя, пощелкивая съ досадою зубами:

«Ахъ, какъ бы я полакомился всласть мясцомъ овечьимъ, когда бы не пастухъ и не его противныя собаки. И какъ судьба ко мнѣ немилостива стала! Ну, что бы стоило хотя одной овечкѣ или ягненку глупому отбиться въ лѣсъ отъ стада? Ужъ показалъ бы я такому бѣглецу всю остроту моихъ зубовъ голодныхъ. Но нѣтъ, овечьей мудрости на то хватаетъ, чтобы держаться всѣмъ въ единой кучѣ и цѣлый день пощипывать траву подъ лѣсомъ, не углубляясь въ лѣсъ».

Подумалъ это Волкъ и чуткимъ ухомъ слышитъ вдругъ изда-лека въ овечьемъ стадѣ разговоръ такой:

— Ну, какъ я пить хочу!—пищитъ, подъ солнцемъ разогрѣвшись, рыженькій Ягненокъ.— Все отдалъ бы за нѣсколько глотковъ воды холодной!

А мать Овца ему въ отвѣтъ даетъ совѣтъ благоразумный:

— Что-жъ дѣлать, подожди, сыночекъ мой, пока на водопой пастухъ насъ не погонитъ.

— Вотъ еще!—капризно сердится Ягненокъ.—Я пить сейчасъ хочу, а не тогда, когда пастухъ надумаетъ поить насъ.

— И я бы выпила водицы съ наслажденьемъ, — ягненку признается мать.—А вотъ, терплю. Терпи и ты, сыночекъ.

— Да не хочу я!—закапризничалъ Ягненокъ.—Въ лѣсу ручей студеный, чистый... Я сбѣгаю, и тамъ напыюсь. Да и тебѣ водицы принесу, мамаша.

— Нельзя, сынокъ!—кричитъ Овца въ испугѣ.—Въ лѣсу вѣдь Волкъ живетъ. А ну, какъ у ручья тебя завидитъ? За горло схватитъ вмигъ и загрызетъ своими острыми зубами!

Ягненокъ храбро отвѣчаетъ:

— Авось, меня онъ не замѣтитъ. И не посмѣетъ онъ. Вѣдь тутъ пастухъ съ собаками на стражѣ. Да и жилье недалеко отъ лѣса, и даже избы видно отъ ручья. Въ одну минутку сбѣгаю къ ручью я, попью воды и зачерпну тебѣ въ кувшинчикъ.

— Не надо, милый, что ты!

Но мать не слушаетъ Ягненокъ удалой, летитъ стремглавъ къ ручью съ пастушечьимъ кувшиномъ.

Спустился въ яръ къ ручью, испилъ воды и, жажду утоливши, беретъ кувшинъ, чтобъ для Овцы набрать воды студеной.

Вдругъ слышитъ позади онъ голосъ, очень строгій:

— А это что такое? Кто смѣетъ здѣсь хозяйничать въ моемъ ручьѣ прозрачномъ?

Ягненокъ—глядь!—предъ нимъ самъ Волкъ съ глазами злыми, зубами щелкаетъ и уши насторожилъ.

Ушла душа отъ страха въ пятки у Ягненка. Но на словахъ храбрится онъ и Волку объясняетъ:

— Я, господинъ Волкъ, лишь воды немного выпилъ изъ ручья. Да вотъ, для матери своей хочу набрать питья въ кувшинчикъ. Не обѣднѣетъ вашъ ручей водою отъ того. И не испортится.

— Какъ не испортится!—кричитъ сердясь Волкъ строгій.—Ты воду мнѣ мутишь! И, наконецъ, какъ смѣль сюда придти безъ разрѣшенья моего?

— Но я не зналъ, что вы въ лѣсу—хозяинъ. И право, я не виноватъ...

— Нѣтъ, виноватъ! И очень!—вопить сердито Волкъ.—Ты страшно виноватъ! И за вину свою наказанъ будешь строго!

— Но въ чемъ моя вина?—пищитъ Ягненокъ въ страхѣ.

— А! Ты не знаешь въ чемъ? Да въ томъ... ну, въ томъ... Хотя бы въ томъ, что ваши овцы въ лѣсѣ совсѣмъ не ходятъ... тогда какъ я брожу въ лѣсу голодный!

— А я же въ лѣсѣ пришель?—ягненокъ возражаетъ.

— Поговори еще!—кричитъ все строже волкъ.—Ужъ если я сказалъ, что ты виновенъ, то—виновенъ.

— Но въ чемъ?

— Хотя бы въ томъ, что хочется мнѣ ѣсть!—отвѣтилъ Волкъ, и въ лѣсѣ Ягненка утащилъ себѣ на завтракъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Черепаха и заяць	1
Мышки-лакомки	4
Стрекоза и муравьяха	7
Журавль-простота	10
Мудрая ворона	13
Строгий волкъ	15

